

В.И. МИХАЙЛЕНКО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ: ОПЫТ РОССИИ И ГЕРМАНИИ³

Не претендуя на интерпретацию истины во всех инстанциях, мне хотелось бы выразить свое отношение к теме конференции. Что означает понятие «*трансформация*»? В его прямом филологическом смысле оно может означать «*изменение*», «*реорганизацию*».

В позитивном значении, очевидно, это понятие ассоциируется с одним из своих значений – «*модернизация*». В негативном – «*деградация*», «*упадок*».

Модернизацию я понимаю как процесс изменения в направлении некоего общепризнанного эталона, идеального типа.

Как бы не упрекали и сколько раз не хоронили бы европейско-атлантическую цивилизацию, не менее 600 последних лет понятие «модернизация» означает движение в направлении ее достижений, а ее социальные и экономические модели являются идеальными типами.

О «золотом миллиарде» можно говорить с придыханием или с зубовым скрежетом, но только очень предвзятый человек будет настаивать на том, что этот тип модернизации сформировался за счет эксплуатации третьего мира, а не добился успехов собственным трудом, креативностью, непрерывным воспроизводством инноваций, передовых технологий.

В широком контексте социальных отношений главным смыслом модернизации является переход от *традиционного* к *современному* обществу.

В столь просвещенной аудитории мне только хотелось бы напомнить некоторые главные отличия традиционного и современного общества.

Главной чертой *традиционного* общества является доминирование традиции над инновацией. Вторым по значению признаком выступает наличие религиозного или мифологического оправдания традиции. Возможность быстрых преобразований блокируется этими формами сознания, и модернизаторские попытки, которые могут иметь место, не завершаются, – возникает попятное движение. Именно это – движение вперед и возврат назад – создает циклический характер развития, характерный для традиционных обществ.

В этих обществах еще нет четкого разделения на ценности инструментальные (регулирующие повседневное поведение и деятельность) и мировоззренческие (связанные с представлениями о мире). Существует подчинение инструментальных

³ Выступление на международной научной конференции «Россия и Германия: опыт социально-экономической трансформации старопромышленных регионов», 7 – 9 октября 2004 г.

ценностей мировоззренческим: жесткий мировоззренческий контроль, внутренняя и внешняя цензура поведения и мышления людей, неизбежно ведущая к политическому авторитаризму, оправданию деятельности авторитетом и отсутствию личных свобод. Совершенно понятна ориентация таких обществ не на науку, а на вне-научное мировоззрение. В духовном смысле это общество не живет сегодняшним днем:

Напротив, центральной фигурой *современного общества* является активный и критически мыслящий индивидуум, заявлявший о примате своих прав по отношению к обществу и государству.

В любом случае фокусом современных обществ выступает *индивидуальность*, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации. Современным становится не только общество, но и человек. Как показывает исторический опыт, индивидуальная модернизация – процесс не менее драматический, чем социальная.

Процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует изменения идентичности людей модернизирующегося общества⁴.

***Индивид, рынок и правовое государство* – вот символы и основа современной западной цивилизации. А ее движущей силой являются индустриальные и научные революции.**

Понятие «Запад», используемое не в географическом, а в культурно-цивилизационном смысле, не есть синоним «современности», он становится таковым в результате постоянного опережающего развития перед другими цивилизациями.

Представленная выше типологизация традиционного и современного общества, как и любая иная типологизация, абсолютизирует сущностные черты и игнорирует другие, особенно полутона. Так, за скобками анализа остались переходные модели модернизации, варианты традиционалистской модернизации и модернизированного традиционализма, традиционалистской современности.

Я не хотел бы идеализировать Запад. За свою историю он предлагал различные проекты. Только в XX веке это были либерально-демократические, традиционалистского типа, фашистские, национал-социалистические, коммунистические, социал-демократические и др.

Кажущаяся линейность исторического движения западной цивилизации не является очевидной. За ней скрывается множественность предложений на один и тот же вызов современности, в т.ч. в самой западной цивилизации. Каждый раз, когда модернизация (современность) бросает вызов цивилизациям, именно Запад находит наиболее эффективные пути и средства модернизации, добиваясь превосходства над другими цивилизациями. Так было, по крайней мере, на протяжении всего христианского времени.

За счет чего достигается эта мобильность и гибкость реагирования? На поверхности находится одно из важнейших преимуществ Запада над дру-

⁴ Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения// Вопросы философии. 2000. № 4.

гими цивилизациями: **общественный плюрализм и отсутствие социальной, экономической, политической и идеологической статичности.** Именно они вырабатывают не один, а несколько вариантов ответа на вызов современности. Общество должно быть открытым, поскольку не существует никакого окончательного знания относительно общественно-политического процесса.

Обратимся к недавней германской истории. Первоначально я был шокирован выводом философа В.Г. Федотовой относительно того, что «Германия стала частью Запада лишь в середине 50-х гг. XX века»⁵. Поскольку речь идет о стране, вклад которой в формирование современной Европы является неоспоримым. По этому поводу Х. Ортега и Гассет писал: «...Когда средиземноморская культура уже была реальностью, не существовало ни Европы, ни Африки. Европа начинается тогда, когда в совокупный организм исторического мира входят германцы... Германизированные Италия, Франция и Испания перестают быть чисто средиземноморской реальностью и оказываются, в той или иной степени, подобиями своего северного соседа. Постепенно торговые пути отклоняются от внутреннего моря и перемещаются к тверди Европы; так и мысли, рожденные в Греции, начинают новую жизнь на землях Германии. После долгого сна платоновские идеи пробуждаются под черепными крышками Галилея, Декарта, Лейбница и Канта, то есть германцев»⁶.

Вместе с тем выводы В.Г. Федотовой и Х. Ортега и Гассета не противоречат друг другу. Напротив, они подтверждают тот факт, что можно размышлять над предрасположенностью обществ к определенным типам модернизаций, но, очевидно, нельзя говорить об их обреченности на строго детерминированные пути развития.

В связи с этим хотелось бы обратиться к сюжету о послевоенной Германии. Коллега А.И. Борозняк обоснованно пишет о том, что первоначально в Восточной Германии денацификация проводилась более жестко и последовательно, чем в ее западной части. Опираясь на Советскую Военную Администрацию в Германии (СВАГ) были осуществлены радикальные демократические реформы в промышленности и сельском хозяйстве, в ходе которых были ликвидированы основные, согласно марксистскому подходу, очаги национал-социализма – крупная собственность и финансовая олигархия⁷.

Тем не менее, в современной объединенной Германии ее восточная часть, а не западная, в большей степени предрасположена к модели традиционного общества оказалась в роли «догоняющей» модели развития.

Опыт двух разных путей модернизации, осуществленный на немецкой земле, дает обширный материал для научного анализа.

Прежде всего, становится очевидной необходимость расширительного толкования процесса модернизации, включающего, как минимум, следующие субстанции: *социальную* (институты, традиции, обычаи), *политическую* (организация власти), *культурную* (ценности, нормы, культурные образцы), *капитала* (про-

⁵ Там же. С.6.

⁶ Ортега и Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997. С.68.

⁷ Борозняк А.И. Искушение. М., 1999. С. 134-135.

изводственные отношения, рынок, экономическая инфраструктура). Вышеупомянутые субстанции, их производные и другие факторы, участвующие в процессе модернизации, проявляют себя неодинаковым образом, тем самым, создавая бесконечные комбинации и формы модернизационных процессов.

Стабильность обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который приводит общественную систему к состоянию динамического (подвижного) равновесия сил. Открытое общество утверждается через сочетание первостепенных принципов гарантированного самоопределения индивидуума. В нем должны равновесно функционировать принципы государственной справедливости, культурной, экономической и политической свободы. Эти принципы образуют живую структуру, органическое целое и не сводятся к одному принципу. Общество формирует «соотносительность норм», из которой не может быть вырвана ни одна из них. Культурные, экономические и политические нормы общества образуют «комплексность обязанностей». Противоположность одной из систем является не стигматизацией (клеймить), а нормальным отклонением. Понятие обычной нормальности не накладывает стигматов каиновой печати на все необычные нормы, а вычерчивает комплекс обязанностей. Отклонения не приравниваются к нормальности. Понятие «нормальность» пригодно для поддержания разумной середины между твердыми предписаниями и отличающимися системами⁸.

В XX веке произошло очередное «выпадение» России из истории. Насильственная «догоняющая модернизация» обескровила ее силы и большой модернизационный скачок исчерпал свой потенциал в последней четверти XX века.

В предвыборной программе 2000 г. тогда еще претендент на пост президент В.В. Путин определил главную задачу для России – осуществить *модернизацию*. Прошло 5 лет и, например, мне до сих пор не понятно какие ресурсы намеревается использовать политическая элита для очередного модернизационного рывка, какова стратегия модернизации, в каком направлении будет осуществляться отложенная мобилизация масс?

Я могу ошибаться, но, на мой взгляд, водораздел в нашем разделенном обществе проходит не между «западниками и «славянофилами», либералами и державниками, а между теми, кто все еще мысленно живет категориями духовной ситуации прошлых веков. Можно жить в XXI веке, но воспринимать современный мир категориями прошлого.

Кажется, Гете говорил, что в пределах исторической эпохи нет такой точки, с которой можно рассматривать данную эпоху. Если мы начинаем понимать прошедшее время как историческую эпоху, значит, появились некоторые признаки того, что мы либо вышли, либо выходим за пределы некоей исторической эпохи.

⁸ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 199-202.